

Вячеславъ Евгенъевичъ
ЯКУШКИНЪ.

4-е октября 1856 г. — 2-е декабря 1912 г.

Изъ №№ 279, 280, 281, 282 и 285 „Русск. Вѣдом.“.

Москва.
Типографія „Русск. Вѣдом.“, Черныш. пер., д. № 7.
1912.

Москва, 4-го декабря *).

Не стало нашего дорогого товарища Вячеслава Евгеньевича Якушкина. Долго онъ угасалъ—и угасъ, какъ жилъ, такой же тихій, такой же простой, такой же ясный... Тяжкій, мучительный недугъ приковалъ его къ постели тотчасъ же вслѣдъ за выходомъ изъ Таганской тюрьмы, куда онъ вошелъ вмѣстѣ съ Муромцевымъ и другими депутатами-первоизбранниками русскаго народа. Вошелъ, оторванный отъ дѣятельной жизни, и вышелъ—для невольнаго бездѣйствія, для страданія и смерти. Этимъ терновымъ вѣнкомъ была увѣнчана жизнь, наполненная поистинѣ непрерывнымъ трудомъ на общую пользу, согрѣтая глубокимъ чувствомъ къ родинѣ и къ свободѣ.

Ушелъ изъ жизни рѣдкій человекъ: всегда и вездѣ онъ былъ вѣренъ себѣ, всегда и вездѣ онъ шелъ прямымъ путемъ, всегда и вездѣ оставался самимъ собою, все тѣмъ же и все такимъ же,—на университетской кафедрѣ, и въ зем-

*) Статья Владиміра Розенберга.

скомъ собраніи, и въ своемъ скромномъ редакторскомъ кабинетѣ, и на шумномъ митингѣ, и среди прославленныхъ ученыхъ и литераторовъ, и въ столовой голодающихъ мужиковъ, и на трибунѣ Государственной Думы, и въ тѣсномъ тюремномъ казематѣ, всегда и вездѣ— до послѣдней черты. И всюду, куда бы судьба ни забрасывала его, гдѣ бы ни открывалось для него поле общественной дѣятельности, онъ вмѣстѣ со своимъ яснымъ умомъ, широкимъ кругозоромъ, многостороннимъ знаніемъ и исключительной трудоспособностью, и, быть-можетъ, прежде всего несъ свое открытое, благородное, любвеобильное сердце. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, про кого сказано: блаженны чистые сердцемъ. И въ этомъ секретѣ его неотразимаго обаянія, которому покорялся всякій приближавшійся къ нему.

Внукъ знаменитаго декабриста И. Д. Якушкина и сынъ не менѣе знаменитаго ученаго, Нестора русскаго обычнаго права, Е. И. Якушкина, только-что ушедшій отъ насъ дорогой нашъ другъ, умный, широкообразованный, ученый съ именемъ въ наукѣ, литераторъ, заслужившій почетную извѣстность, влиятельный земець, одинъ изъ передовыхъ вождей на нашей молодой

политической аренѣ, всѣмъ дѣломъ своей жизни запечатлѣлъ вѣчную память о себѣ въ исторіи русской интеллигенціи, доблестно борющейся въ теченіе вѣка за свободу мысли и за свободу русскаго народа. Но память объ его заслугахъ передъ родиной и передъ наукой, даже память объ его «каплѣ крови, общей съ народомъ», — той каплѣ, за которую прощаются и грѣхи, не должна затмить памяти о томъ, что онъ и въ пылу борьбы, подъ тяжестью труда, и въ самыя горькія минуты своихъ страданій и испытаній, — вездѣ и всегда сумѣлъ и смогъ сохранить въ себѣ самомъ чистымъ и незапятнаннымъ святѣйшее изъ званій — человекъ. Да, *человѣкъ онъ былъ*, въ прекраснѣйшемъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, — и мы, пережившіе его друзья и соратники на любимомъ имъ прищѣ дѣятельности, его товарищи по газетѣ, если и находимъ утѣшеніе въ этотъ часъ скорби по невознаградивой утратѣ, то только — въ сознаніи, что память объ этомъ *человѣкѣ*, жившемъ и работавшемъ среди насъ, будетъ такъ же вѣчна, какъ вѣчно дѣло истины, свободы и братской любви къ людямъ, на служеніе которому онъ отдалъ свою жизнь.

Памяти В. Е. Якушкина.

Телеграфъ принесъ печальную вѣсть о кончинѣ В. Е. Якушкина. Покойный болѣлъ долго, и тяжкій недугъ его препятствовалъ въ послѣдній годъ видѣться съ нимъ даже самымъ близкимъ ему людямъ. Смерть уноситъ на этотъ разъ одного изъ убѣжденнѣйшихъ благородныхъ борцовъ за народное дѣло.

Я узналъ В. Е. въ 1873 году, когда онъ былъ еще воспитанникомъ ярославской гимназіи и жилъ съ отцомъ своимъ Е. И., авторомъ извѣстнаго «Обычнаго права», который стоялъ весьма близко къ только-что открытому юридическому лицу, куда я поступилъ тогда преподавателемъ. Моя связь съ В. Е. неизмѣнно поддерживалась съ тѣхъ поръ. Высоко одаренный и исключительно добросовѣстный, В. Е. невольно привлекалъ къ себѣ окружающихъ и былъ всегда дорогъ имъ, но мнѣ лично онъ становится особенно близокъ съ того времени, когда намъ пришлось въ теченіе 10-ти лѣтъ вплоть до 1895 года быть въ самомъ тѣсномъ единеніи, сотрудничая изо дня въ день въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Работая всегда съ полной преданностью дѣлу, съ увлеченіемъ, онъ особенно охотно писалъ по вопросамъ, касавшимся крестьянства и земскаго самоуправления, въ которомъ принималъ уча-

стіе и самъ. Принадлежа къ передовымъ земскимъ дѣятелямъ, онъ былъ однимъ изъ участвовавшихъ въ созданіи «Союза Освобожденія», а затѣмъ вошелъ и въ составъ 1-й Государственной Думы.

Выдѣляясь въ качествѣ энергичнаго истолкователя и защитника народныхъ интересовъ, В. Е. былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній 1-й Государственной Думы. Наша страна никогда не забудетъ, что онъ былъ *первый* изъ числа тѣхъ 42-хъ, которые подписали «заявленіе по аграрному вопросу», внесенное въ Государственную Думу 8-го мая 1906 года. Всѣмъ, конечно, памятно, что подписавшіе это «заявленіе» исходили изъ того, что Государственная Дума въ своемъ послѣднемъ засѣданіи признала, что она «не исполнила бы своего долга, если бы не выработала закона» для удовлетворенія острой земельной нужды трудового крестьянства.

Авторы «заявленія» предлагали обезпечить «достаточнымъ» количествомъ земли ~~всѣхъ~~ безземельныхъ, малоземельныхъ и другіе разряды крестьянъ. «Мы смотримъ на дѣло земельной реформы,—справедливо заявлялъ въ Государственной Думѣ В. Е.,—не только какъ на средство устраненія той опасности, которая сейчасъ грозитъ странѣ отъ возникшихъ и могущихъ возникнуть еще аграрныхъ волненій. Это также не есть актъ благотворительности. Это есть широко поставленная попытка провести коренную социальную реформу».

Это свое убѣжденіе онъ проводилъ послѣдовательно въ печати и горячо отстаивалъ интересы крестьянства въ руководимой имъ газетѣ «Народное Дѣло». Послѣ закрытія послѣдней онъ пытается продолжать отстаивать тѣ же мысли въ новомъ органѣ «Народный Путь». Но и этотъ послѣдній постигаетъ та же печальная судьба. В. Е.—чу нечего было бы говорить среди измѣнившихся условій, когда аграрный вопросъ вступилъ въ новую фазу и вмѣсто расширенія крестьянскаго землевладѣнія выдвинулся вопросъ объ отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія, о созданіи «сильныхъ» хозяевъ изъ крестьянъ, о хуторахъ и т. п., и т. п., т. е. обо всемъ томъ, что было проведено въ 3-й Государственной Думѣ въ угоду правящаго большинства.

Воззрѣнія В. Е. были далеки отъ господствующихъ нынѣ. «Признавая руководящимъ началомъ земельной политики передачу земли въ руки трудящихся», онъ защищалъ жизненные интересы огромнаго большинства населенія нашей страны, которую принято называть «мужицкимъ царствомъ».

Отстаивая интересы крестьянства. В. Е. былъ вѣренъ завѣтамъ лучшихъ людей нашей родины, вмѣстѣ съ Радищевымъ, утверждавшимъ: «Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея!».

А. Посниковъ.

Петербургъ, 3-го декабря.

Памяти товарища.

Много лѣтъ намъ пришлось работать вмѣстѣ, въ дружной семьѣ, за однимъ дѣломъ, за общей заботой. Были у всѣхъ насъ свѣтлыя впечатлѣнія и больше, — куда больше! — тяжелыхъ. Были моменты надеждъ, успѣховъ и долгіе часы томительнаго, безнадежнаго стоянія передъ несокрушимой, казалось, стѣной равнодушія или инертности. Много вспоминается общихъ лишеній, общихъ потерь, нерѣшительности, колебаній. Но когда теперь пытаюсь я воскресить образъ Вячеслава Евгеньевича въ труднѣйшія минуты нашей совмѣстной работы, я вижу одинъ и тотъ же ясный обликъ, не реагировавшій на внѣшнія невзгоды ни раздраженіемъ, ни отчаяніемъ. Какъ-будто внѣшніе удары были слишкомъ незначительны въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ, высокимъ и сильнымъ нѣчто, чему мы обыкновенно даемъ названіе идеала, но что у В. Е. выходило не изъ одного круга идей, а изъ всего, такъ сказать, состава его природы. Какъ-будто еще отъ дѣда-декабриста и оца. отпустившаго въ давнія времена своихъ крестьянъ на волю, унаслѣдовалъ онъ душевный компасъ, стрѣлка котораго при всякихъ поворотахъ неудержимо направлялась въ одну сторону и позволяла безошибочно

разбираться въ путаницѣ человѣческихъ отношеній. Я вспоминаю В. Е. въ тотъ день, когда за рѣчь о любимомъ поэтѣ онъ долженъ былъ покинуть Москву. Никогда не могъ бы, вѣроятно, дѣдъ-декабристъ представить себѣ, что болѣе чѣмъ черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ приговора надъ нимъ придется его внуку извѣдать ссылку за попытку опредѣлить міросозерцаніе Пушкина въ послѣдніе годы жизни поэта. И въ этотъ день я видѣлъ все тотъ же ясный обликъ. все то же ровное, спокойное отношеніе къ людямъ; я помню все то же впечатлѣніе незначительности внѣшнихъ невзгодъ сравнительно съ тѣми важными, властными, внутренними стимулами, которые не допускали сомнѣній и не позволяли уклоняться въ сторону. И это впечатлѣніе устойчивости и несокрушимости какъ бы неотдѣлимыхъ отъ человѣка идеальныхъ побужденій настолько сильно при воспоминаніи о В. Е., что если бы слова Антонія «дѣла людей дурныя переживаютъ ихъ, а все добро, что сдѣлали они при жизни, часто хоронится въ могилу съ ихъ костями»,—если бы эти слова были справедливы, то, конечно, все,—до малѣйшей подробности все,—было бы унесено В. Е. въ могилу и намъ не о чемъ было бы вспоминать. Но, къ счастью для живыхъ, въ этихъ словахъ далеко не всегда таится правда. Къ счастью для живыхъ, «есть у насъ великія могилы» и есть у насъ дорогія воспоминанія. Человѣчество,—

сказалъ французскій писатель, — въ значительно большей степени составлено изъ мертвыхъ, чѣмъ изъ живыхъ. Конечно, изъ тѣхъ мертвыхъ, которые въ теченіе жизни носили въ душѣ компасъ, направлявшій ихъ шаги къ тому, что они считали благомъ людей. Въ самыя трудныя минуты, лицомъ къ лицу съ дорогими покойниками, живой думаетъ о живомъ и уноситъ отъ могилы все то лучшее и чистое, что можетъ руководить имъ въ жизни.

Отъ гроба В. Е. мы уносимъ для жизненнаго руководства весь его чистый и свѣтлый образъ.

И. Игнатовъ.

В. Е. Якушкинъ и его науч- ные труды.

Университетская кафедра, газета, парламентъ. — таковы были три этапа, чрезъ которые прошла общественная дѣятельность только-что почившаго Вячеслава Евгеньевича Якушкина. О газетной и думской дѣятельности покойнаго, конечно, расскажутъ его ближайшіе со-товарищи по редакціи и по первой Государственной Думѣ. Мнѣ съ своей стороны хотѣлось бы отмѣтить, на чемъ сосредоточивались тѣ научные интересы Вячеслава Евгеньевича, которые находили свое выраженіе въ его ученыхъ историческихъ и историко-литературныхъ работахъ. Какъ увидимъ, эти научные интересы самымъ тѣснымъ образомъ примыкали ко всему тому, за что онъ боролся и въ качествѣ публициста, и въ качествѣ депутата перваго русскаго парламента.

Плодомъ изслѣдовательской работы Вячеслава Евгеньевича въ области русскоѣ исторіи явилась его книга «Очерки по исторіи русскоѣ поземельной политики. Выпускъ первый. XVIII вѣкъ». Эта книга чрезвычайно характерна въ томъ отношеніи, что въ ней съ полной ясностью обозначился кругъ тѣхъ жизненныхъ явленій, къ изученію которыхъ преимущественно влеклось вниманіе Вя-

чеслава Евгеньевича. Разсматривая исторію поземельной политики русскаго правительства въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, усопшіи историкъ выдѣлилъ и изслѣдовалъ именно тѣ ея эпизоды, въ которыхъ проявилось начало ограбленія земельной собственности во имя удовлетворенія общегосударственныхъ задачъ. Въ рядѣ главъ названной его книги излагаются государственныя мѣропріятія XVII и XVIII столѣтій ограничивающія землевладѣльцевъ въ правахъ пользованія и распоряженія принадлежащими имъ землями или отдѣльными угодьями входившими въ составъ ихъ владѣній. Здѣсь съ одной стороны указываются мѣры, лишившія собственниковъ права пользованія нѣкоторыми угодьями, охраненіе которыхъ въ неприкосновенной цѣлости почиталось особенно важнымъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ и общенародныхъ интересовъ, — таковы мѣры, касавшіяся лѣсоохранительной политики государства. Съ другой стороны авторъ останавливается на такихъ мѣропріятіяхъ государственной власти, которыя по отношенію къ нѣкоторымъ угодьямъ предоставляли полную свободу эксплуатаціи всѣмъ желающимъ, хотя бы въ предѣлахъ частныхъ владѣній, съ той цѣлью, чтобы государственное богатство «втунѣ не оставалось». таковы были, напримѣръ, постановленія первой половины XVIII столѣтія относительно свободы разработки ископаемыхъ богатствъ на всѣхъ

земляхъ, хотя бы и принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ. Авторъ слѣдитъ за примѣненіемъ всѣхъ такихъ установленій и за ихъ постепенной отмѣной въ теченіе второй половины XVIII столѣтія по мѣрѣ того, какъ въ русскомъ законодательствѣ мотивы общегосударственной пользы стали заслоняться мотивами покровительства одностороннимъ сословнымъ притязаніямъ землевладѣльческаго дворянства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Вячеславъ Евгеньевичъ выслѣживаетъ въ поземельной политикѣ московскихъ царей и императорскаго правительства XVIII столѣтія такіе моменты и такіе мотивы, въ которыхъ усматривались частичные проблемски идеи націонализаціи земли. Онъ разсматриваетъ исторію образования въ Московскомъ государствѣ государственнаго земельного фонда и порядокъ пользованія этимъ фондомъ въ видѣ такъ-называемой помѣстной системы. Особая глава посвящена разсмотрѣнію различныхъ случаевъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель для общегосударственныхъ цѣлей, — военныхъ, колонизаціонныхъ и другихъ. Наконецъ, вторая часть книги представляетъ собою изслѣдованіе того, какъ въ русскомъ законодательствѣ XVIII столѣтія постепенно нарождалось и укрѣплялось признаніе права крестьянина на опредѣленный земельный надѣлъ. здѣсь разсматривается порядокъ земельного надѣленія различныхъ видовъ государственныхъ крестьянъ, а затѣмъ авторъ

заботливо собираетъ тѣ немногіе случаи, въ которыхъ законодательство XVIII столѣтія брало подъ свою защиту и крестьянъ частновладѣльческихъ въ смыслѣ признанія за ними права на опредѣленный земельный надѣлъ; здѣсь вниманіе автора останавливается на опредѣленіи въ законѣ нормы крестьянскаго надѣла на земляхъ пожалованныхъ частнымъ владѣльцамъ со спеціальной цѣлью ихъ колонизированія, а также на постановленіяхъ межевыхъ инструкцій XVIII столѣтія, въ которыхъ размѣры такъ-называемой «примѣрной» земли опредѣлялись *по числу душъ* числящихся за каждымъ владѣльцемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе исторической диссертациі В. Е. Якушкина. Второй выпускъ этой работы, по замыслу автора, долженъ былъ коснуться XIX столѣтія. Выпускъ этотъ не появился, но тѣмъ не менѣе только что разсмотрѣнная нами работа не осталась безъ продолженія. Говоря такъ, я имѣю въ виду то обстоятельство, что вся послѣдующая *политическая* дѣятельность В. Е. Якушкина сосредоточилась главнымъ образомъ на разработкѣ тѣхъ самыхъ вопросовъ, историческому генезису которыхъ была посвящена его диссертациія. Со страницъ его историческаго изслѣдованія, — какихъ бы отдаленныхъ моментовъ нашего прошлаго ни касались его историческія наблюденія, — на насъ уже смотритъ будущій депутатъ русскаго перваго парламента настойчиво и неуклонно за-

пещавшій съ парламентской трибуны необходимость широкой аграрной реформы, основанной на созданіи государственнаго земельного фонда путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Только въ связи съ этою послѣдующей политической дѣятельностью В. Е. Якушкина и самая диссертація его представляется въ полной мѣрѣ въ ея истинномъ освѣщеніи; становятся понятными и выборъ основной темы изслѣдованія, и ходъ разработки этой темы, и даже тѣ увлеченія автора, которыя въ свое время были отмѣчены научною критикою. Теперь, когда передъ нами завершился кругъ жизненной работы почившаго, ясно обрисовывается внутренняя связь всѣхъ ея отдѣльныхъ моментовъ. Сопоставьте диссертацію Вячеслава Евгеньевича съ его послѣдующими думскими выступленіями, и у васъ не останется сомнѣнія въ томъ, что въ свою на первый взглядъ сухую и строго-спеціальную кабинетно-ученую работу покойный историкъ вложилъ и частицу своего сердца, частицу своихъ воодушевленныхъ заботъ о благѣ роднаго народа.

Была и еще одна излюбленная тема у Вячеслава Евгеньевича, разработкѣ которой онъ посвятилъ немалую долю кабинетнаго труда. Вячеславъ Евгеньевичъ рано специализировался на изученіи Пушкина. Въ 1899 г. онъ собралъ свои работы о Пушкинѣ въ одну книгу, которая такъ и называется «О Пушкинѣ». Сюда вошли пять статей:

«Радищевъ и Пупкинъ», «Кончина Пушкина», «Исторія пушкинскаго текста», «Сочиненія Пушкина» и «Изъ неизданныхъ бумагъ Пупкина». Въ книгу не вошла еще одна большая работа В. Е. Якушкина, — «Описание рукописей Пушкина», — напечатанная въ «Русской Старинѣ». Увлечшись изученіемъ Пушкина, Вячеславъ Евгеньевичъ усиленно выдвигалъ на первый планъ ту основную задачу, безъ выполненія которой историко-литературное изученіе творчества Пушкина было бы лишено твердаго научнаго основанія. Я разумѣю работы Вячеслава Евгеньевича по изученію текста пушкинскихъ произведеній: сюда относятся и работы его по анализу пушкинскихъ рукописей, и тѣ критическіе разборы печатныхъ изданій и сочиненій Пушкина, съ которыми Вячеславъ Евгеньевичъ многократно выступалъ на страницахъ періодической прессы. Авторитетность Вячеслава Евгеньевича въ этой области получила признаніе со стороны академіи наукъ: онъ былъ привлеченъ къ участию въ редактированіи монументальнаго академическаго изданія сочиненій Пушкина. Въ оцѣнку результатовъ его работъ въ этой области я входить не буду: это — дѣло специалистовъ по исторіи литературы. Съ своей стороны нахожу важнымъ отмѣтить, изъ какого источника родился этотъ специальный интересъ Вячеслава Евгеньевича къ Пушкину. Здѣсь снова встаетъ передъ нами тѣсная связь специально кабинетныхъ работъ почившаго съ его

общественными симпатіями и стремленіями. При чтеніи статей Вячеслава Евгеньевича, посвященныхъ Пушкину, становится несомнѣннымъ, что онъ, если можно такъ выразиться, былъ подведенъ къ Пушкину декабристами. И фамильные преданія, и личные политическіе идеалы Вячеслава Евгеньевича привлекали его вниманіе къ исторіи декабристовъ. Это выразилось и въ отдѣльныхъ статьяхъ его (см., напр., статью его о Муравьевѣ-Апостолѣ въ «Русской Старинѣ» за 1886 г.), и въ изданіи имъ мемуаровъ своего предка — декабриста Якушкина. Тутъ-то, при изученіи тайныхъ обществъ эпохи Александра I, В. Е. Якушкинъ и натолкнулся на сложный вопросъ объ отношеніяхъ дѣятелей этихъ обществъ къ Пушкину на почвѣ политическихъ стремленій. Такимъ именно путемъ Пушкинъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ сюжетовъ изслѣдованій Вячеслава Евгеньевича... Всѣ эти изслѣдованія въ конечномъ счетѣ были направлены на то, чтобы закрѣпить рядомъ положительныхъ аргументовъ тотъ тезисъ, что Пушкинъ при всѣхъ превратностяхъ своей измѣнчивой судьбы оставался вѣренъ освободительнымъ стремленіямъ своей молодости и, несмотря на свое камеръ-юнкерство, имѣлъ полное право и послѣ катастрофы съ декабристами сказать про себя:

«На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны *прежніе* пою».

Въ этихъ статьяхъ В. Е. Якушкина чувствуется радость отъ того, что факты даютъ изслѣдователю возможность оградить память національнаго гения Россіи отъ разнаго рода подозрѣній въ непослѣдовательности и неустойчивости его политическихъ убѣжденій. В. Е. Якушкинъ никогда самъ не афишировалъ тѣхъ гражданскихъ чувствъ, которыми согрѣвались его ученія изысканія, стиль его статей историческаго и историко-литературнаго содержанія всегда былъ въ высшей степени спокоенъ и, я бы сказалъ, сурово-уравновѣшенъ. Но политическія симпатіи автора не ускользали тѣмъ не менѣе отъ вниманія ни читателей, ни властей, и когда на одномъ изъ пушкинскихъ юбилеевъ Вячеславъ Евгеньевичъ произнесъ рѣчь о Пушкинѣ и декабристахъ, онъ былъ за эту рѣчь высланъ изъ Москвы въ Ярославль.

Въ жизни онъ былъ такимъ же, какъ и въ своихъ произведеніяхъ,—на видъ спокойнымъ и неизмѣнно уравновѣшеннымъ,—но это было обманчивое спокойствіе, подъ которымъ таились горячія чувства. Спокойнымъ вышелъ онъ на арену политической борьбы въ качествѣ депутата первой Государственной Думы, спокойно послѣдовалъ вмѣстѣ со своими товарищами изъ Таврическаго дворца въ тюрьму, но... вскорѣ все стало ясно, какъ страстно переживались имъ въ глубинѣ души перипетіи политической борьбы. Когда по выходѣ изъ тюрьмы членовъ первой Государ-

ственной Думы мы собрались приветствовать ихъ съ освобожденіемъ, Вячеслава Евгеньевича среди нихъ мы не увидали. Изъ тюрьмы его провезли прямо на его квартиру, и стало извѣстно, что онъ не можетъ прибыть на собраніе по тяжелому нездоровью. Съ тѣхъ поръ тяжелый нервный педугъ его неуклонно прогрессировалъ. За горячую ревность своего сердца къ народному благу Вячеславъ Евгеньевичъ заплатилъ нѣсколькими годами мучительныхъ страданій.

Сохранимъ же благодарную память объ этомъ чловѣкѣ, который и на поприщѣ литературной дѣятельности, и на поприщѣ политической борьбы достойно поддерживалъ честь своего историческаго имени.

А. Кизеветтеръ.

Наканунъ первой думы.

Какъ ни близко къ намъ хронологически время, непосредственно предшествовавшее созыву первой Думы, оно уже отходить въ область исторіи, и понемногу рѣдѣютъ ряды дѣятелей той эпохи. Нѣтъ С. А. Муромцева, нѣтъ Г. Ф. Шершеневича, давно въ могилѣ М. Я. Герценштейнъ, А. А. Мухановъ, С. В. Сабашниковъ, кн. С. И. Шаховской; тешерь смерть унесла еще одного изъ славныхъ ихъ сподвижниковъ, Вячеслава Евгеньевича Якушкина.

В. Е. былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Союза Освобожденія и группы земцевъ-конституціоналистовъ. Въ Союзѣ Освобожденія онъ былъ членомъ московскоѣ группы А, самой вліятельной изъ отдѣльныхъ группъ Союза, до окончательнаго сформированія его игравшей до извѣстной степени роль центральнаго комитета всей организаціи. Онъ участвовалъ на третьемъ освобожденческомъ съѣздѣ (въ Москвѣ весной 1905 года) и председательствовалъ на первомъ же его засѣданіи; онъ участвовалъ въ земскихъ съѣздахъ 1904—1905 гг., и имъ были составлены докладъ и объяснительная записка для перваго ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей, но протоколы всѣхъ этихъ съѣздовъ лишь въ слабой степени да-

ли бы представление о крупной роли, сыгранной Вячеславомъ Евгеньевичемъ въ исторіи освободительнаго движенія Онъ не любилъ выступать на многолюдныхъ собраніяхъ, и его больше всего тянуло къ работѣ въ коммиссіяхъ и частныхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, созывавшихся освобожденцами и земцами-конституціоналистами для разработки отдѣльныхъ вопросовъ программы. Вотъ на этихъ-то совѣщаніяхъ В. Е. и былъ незамѣняемымъ работникомъ Большой житейскій опытъ, очень солидную подготовку онъ умѣлъ сочетать съ глубокой преданностью демократическимъ идеаламъ, и въ значительной степени его вліянію нужно приписать то, что созванному въ октябрѣ 1905 г. учредительному съѣзду конституціонно-демократической партіи былъ представленъ проектъ дѣйствительно демократической программы.

На этомъ съѣздѣ Вячеславъ Евгеньевичъ вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки не могъ присутствовать, но это не помѣшало тому, что онъ былъ заочно избранъ членомъ центрального комитета к-д. партіи и получилъ при этомъ 39 избирательныхъ записокъ при наличности только 42-хъ участниковъ въ голосованіи И въ рядахъ к-д. партіи Вячеславъ Евгеньевичъ не измѣнилъ прежняго характера своей дѣятельности. Онъ принималъ участіе въ партійныхъ съѣздахъ и въ засѣданіяхъ центрального комитета, но опять-таки наи-

большее свое внимание онъ удѣлялъ коммисіонной работѣ, гдѣ была главнымъ образомъ сосредоточена разработка программныхъ вопросовъ. Наибольше цѣннымъ являлось участие его въ аграрной коммисіи при центральномъ комитетѣ к.-д. партіи. Аграрнымъ вопросомъ В. Е. интересовался съ юношескихъ лѣтъ, ему онъ посвятилъ свою магистерскую диссертацию и ему же онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней. Несмотря на участие въ работахъ коммисіи ряда первоклассныхъ специалистовъ, В. Е. занялъ и въ ней одно изъ наиболее выдающихся мѣстъ. Въ рядахъ охватывавшей довольно разнообразныя общественныя элементы к.-д. партіи В. Е. занималъ мѣсто на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, былъ выразителемъ наиболее демократическихъ теченій, имѣвшихся въ партіи, и съ наибольшей опредѣленностью это сказывалось именно въ разработкѣ аграрнаго вопроса. В. Е. былъ сторонникомъ наиболее полного и кореннаго рѣшенія этого вопроса, и его не пугала даже мысль о націонализациі земли. Окончательная форма, въ которую вылилась аграрная программа к.-д. партіи, не вполне отвѣчала пожеланіямъ самого В. Е., но ему все-же многое удалось сдѣлать для того, чтобы придать ей болѣе соответствующій интересамъ крестьянства характеръ.

Разработку программныхъ вопросовъ Вячеславъ Ергеньевичъ понималъ очень широко не только въ смыслѣ фор-

мулированія извѣстныхъ требованій и пожеланій, но и въ смыслѣ отчетливаго усвоенія ихъ широкими кругами населенія. Вслѣдствіе этого онъ явился однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ кружка, группировавшагося вокругъ издательства «Народнаго Права» и ставившаго себѣ задачей популяризацію политическихъ и экономическихъ знаній. Вслѣдствіе этого же онъ сталъ однимъ изъ редакторовъ газеты «Народное Дѣло», рассчитанной главнымъ образомъ на крестьянскихъ читателей и явившейся чуть не первой попыткойъ создать серьезную политическую газету специально для деревни.

Вячеслава Евгеньевича можно съ полнымъ правомъ назвать однимъ изъ основателей к-д. партіи, хотя на учредительномъ съѣздѣ партіи онъ и не присутствовалъ. Но его политическая роль гораздо шире роли простаго партійнаго дѣятеля. Не организаторъ и не агитаторъ, по натурѣ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто формируютъ общественное мнѣніе, заправляютъ его въ извѣстное русло, даютъ идейное содержаніе подпявшемуся общественному движенію. Въ этомъ отношеніи Вячеславъ Евгеньевичъ сдѣлалъ большое и крупное дѣло и будущій историкъ Россіи, говоря о годахъ, предшествовавшихъ созыву первой Думы, отведетъ ему среди дѣятелей этой эпохи видное и почетное мѣсто.

А. Максимовъ.

Памяти старшаго товарища В. Е. Якушкина.

Вновь стоимъ передъ раскрытой могилой! Являемся свидѣтелями новой жертвы освободительнаго движенія родины! Всю свою энергію, силу и знаніе Вячеславъ Евгеньевичъ одалъ на служеніе дѣлу освобожденія страны отъ моральныхъ и экономическихъ путъ.

Ясно, живо помню крупную фигуру покойнаго на трибунѣ первой Государственной Думы 27-го мая 1906 года, когда Вячеславъ Евгеньевичъ съ искренней убѣдительностью защищалъ извѣстное предложеніе 42-хъ членовъ Государственной Думы о коренной реформѣ земельныхъ отношеній. Состоя однимъ изъ творцовъ аграрной программы партіи народной свободы, покойный тогда доказывалъ, что государство должно придти на помощь въ устраненіи «земельной тѣсноты, отъ которой страдаетъ русскій народъ». государство должно дать дополнительный надѣлъ малоземельнымъ и безземельнымъ земледѣльцамъ, что нужно не какъ подачка для устраненія возможныхъ крестьянскихъ волненій и не какъ благотворительный актъ, а какъ необходимое условіе для правильнаго развитія экономическихъ силъ Россіи. На защищаемое предложеніе покойный смотрѣлъ какъ на коренную

соціальную реформу. которая должна повести къ совершенному обновленію нашей деревенской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ измѣненію жизни всего государства въ соціальныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Для осуществленія этой широкой реформы покойный считалъ необходимымъ и возможнымъ образованіе особаго государственнаго фонда. При этомъ В. Е. считалъ, что предлагаемую реформу наилучшимъ, наиболѣе справедливымъ образомъ дать использовать община.—та самая община, противъ которой за послѣдніе годы предпринять такой усиленный походъ со стороны правительства и нѣкоторыхъ слоевъ русскаго общества. Съ юношеской горячностью тогда защищалъ В. Е. выношенную въ своей груди аграрную реформу.

Мнѣ вспоминается и другой моментъ изъ жизни покойнаго. Маленькій дворикъ въ Таганской тюрьмѣ съ нѣсколькими чахлыми деревьями и маленькой дорожкой кругомъ ихъ, до 30-ти саж. длины, по которой мы, заключенные въ числѣ 13-ти послѣ выборгскаго процесса, ежедневно, въ теченіе 90 дней, въ 5-мъ часу дня, вмѣстѣ гуляли подъ надзоромъ своего «дядьки». Ясно помню одну изъ этихъ прогулокъ, когда Вячеславъ Евгеньевичъ рассказывалъ намъ, какъ ему были доставлены въ камеру матеріалы, необходимые для продолженія порученнаго ему академіей наукъ редактированія полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Ни на комъ такъ

тяжело не отзывалась тюремная жизнь, какъ на В. Е., но никогда ни единого слова, ни единого упрека или сожалѣнiя не приходилось слышать изъ устъ его по поводу тѣхъ лишенiй тюремной жизни, каковыя чувствительно отражались на его уже болѣзненнымъ состоянiи. Всегда ровный, уравновѣшенный и спокойный, онъ вносилъ въ нашу среду бодрость и стойкость.

Прошло только четыре года съ тѣхъ поръ, а мы изъ 13-ти уже хоронимъ третьяго: Муромцевъ, Шершеневичъ, Якушкинъ, и всѣхъ ихъ несемъ въ одно и то же мѣсто—на Донское кладбище. С. А. Муромцевъ собиралъ насъ вокругъ себя не только въ Думѣ и тюрьмѣ, но собираетъ насъ и въ сырой, холодной землѣ, мѣстѣ вѣчнаго упокоенiя.

Дорогой, хорошiй старый товарищъ! Спи покойно. Ты жилъ не даромъ, свои таланты не закрылъ ты въ землю, какъ лукавый и лѣнивыи рабъ, а употребилъ ихъ на подготовку почвы для лучшаго будущаго своей страны, на благо своего меньшаго брата. Да будетъ тебѣ легка земля!

II. Садыринъ.

В. Е. Якушкинъ.

Смерть Вячеслава Евенъевича не поразила никого своею неожиданностью: онъ былъ тяжело боленъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Поразила друзей Якушкина та внезапная болѣзнь которая обрушилась на него вскорѣ послѣ бурной политической дѣятельности, захватившей его въ 1905—1906 годахъ: въ Государственной Думѣ онъ былъ полонъ силъ и неустанно работалъ въ комиссіяхъ, а въ 1908 г. вмѣсто жизнерадостнаго и бодрого Якушкина мы увидѣли больнаго, угасающаго человѣка. Его друзьямъ было ясно, что именно привело Якушкина на широкую арену законодательной дѣятельности и оторвало его отъ литературныхъ работъ отъ ученыхъ занятій, отъ любимаго Пушкина, отъ семьи и московскаго круга друзей и знакомыхъ. Якушкинъ пошелъ въ Думу, чтобы отстаивать въ ней интересы русскаго крестьянства и провести въ жизнь завѣтныя мечты о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, объ охраненіи и дальнѣйшемъ развитіи основныхъ укладовъ крестьянскаго земельного быта, о достойномъ завершеніи великой реформы 1861 года

Да, это были завѣтныя мечты Якушкина, глубоко заложенныя въ душѣ этого

чистаго и идейнаго человѣка. Эти мечты создались не подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ теоретическихъ воззрѣній, не на почвѣ историческаго изученія формъ крестьянскаго землевладѣнія и не въ результатѣ наблюденія надъ современными экономическими явленіями, — мечты эти зародились въ Якушкинѣ почти одновременно съ началомъ его сознательной жизни

Вліяніе отца, памятнаго въ дѣлѣ изученія правоваго строя русскаго крестьянства, Евгенія Ивановича Якушкина, вліяніе матери, успѣвшей передать сыну свою страстную любовь къ народу. — вотъ что опредѣлило нравственную личность Вячеслава Евгеньевича и положило основанія его цѣльному и послѣдовательному міровоззрѣнію. Семейныя традиціи закрѣпили то, что дали родители: дѣдъ Вячеслава Евгеньевича, Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землей, выкупленной у помещиковъ правительствомъ; свои убѣжденія дѣдъ Якушкинъ закрѣпилъ страданіями арестованный послѣ декабря 1825 года. онъ провелъ десять лѣтъ въ каторжныхъ работахъ, а послѣ того еще двадцать лѣтъ въ Сибири на поселеніи, до самаго манифеста 1856 года, ознаменовавшаго и рожденіемъ старшаго внука И. Д. Якушкина Вячеслава. Память о страданіяхъ дѣда и объ его борьбѣ за интересы русскаго народа поддержала высокіе идеалы, воспринятые внукомъ.

Создавшееся при этихъ совершенно

исключительныхъ условіяхъ міровоззрѣніе Якушкина опредѣлило и всю его дѣятельность: въ университетѣ пачались его занятія русской исторіей; магистерская диссертация посвящена очерку исторіи русской поземельной политики; русская литература привлекала къ себѣ Якушкина, какъ главный факторъ въ дѣлѣ освобожденія русскаго народа: образъ Радищева переноситъ Якушкина въ изученіе общественныхъ движеній конца XVIII и начала XIX вѣка; Якушкинъ подходитъ естественно къ Пушкину, особенно дорогому для него, какъ воплощеніе русскаго народнаго генія, и кладетъ первыя основанія научному изученію литературнаго наслѣдія великаго поэта; онъ работаетъ и надъ Грибодовымъ, издаетъ съ любовью вновь найденныя статьи Бѣлинскаго.

Жизненная натура Якушкина не могла удовлетвориться кабинетной работой, его тянула къ себѣ и практическая дѣятельность; въ ней онъ, быть-можетъ, надѣялся скорѣе осуществить свои идеалы. Въ напряженной работѣ публициста, а также земскаго гласнаго онъ послѣдовательно защищаетъ жизненные интересы крестьянства. Борьба за эти интересы привела его, какъ сказано, въ Государственную Думу: здѣсь онъ сталъ докладчикомъ аграрной коммисіи.

Сердце не выдержало напряженія: впрочемъ Якушкина свалила не работа, а то страшное крушеніе его надеждъ и идеаловъ, которое ему пришлось испытать. Онъ понялъ, что зе-

мельная реформа, проведенная въ жизнь послѣ роспуска первой Государственной Думы, не дастъ русскому крестьянству того, о чемъ мечталъ его дѣдъ, его отецъ и самъ онъ въ теченіе всей своей трудовой жизни.

А. Шахматовъ.

Памяти друга.

Еще одинъ изъ тѣхъ, «которые намъ свѣтъ присутствіемъ своимъ животворили», присоединился въ нашемъ поколѣніи къ длинному уже ряду «отошедшихъ». Кончина Вяч. Евг. не представляетъ собой для близкихъ неожиданнаго удара. Давно надъ нимъ висѣла угроза смерти, и разумокъ велитъ не огорчаться тѣмъ, что она сбылась: смерть здѣсь явилась освобожденіемъ отъ тягости существованія, ставшаго бременемъ по винѣ беспощаднаго недуга. Но сердце не повинуется голосу разсудка, со страстью протестуя противъ такого скорбнаго и преждевременнаго конца такой благой и безупречной жизни.

Я познакомился и сблизился съ В. Е. болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ своего университетскаго ученья. Въ университетѣ я уже не засталъ В. Е. Когда я поступилъ туда, онъ уже кончилъ курсъ и готовился сдавать магистерскій экзаменъ. Но въ нашемъ дружномъ студенческомъ товарищескомъ кружкѣ былъ его младшій братъ Евг. Евг. (теперь инспекторъ седьмой гимназіи въ Москвѣ), былъ близкій родственникъ В. Е. по женѣ Ѳ. В. Татионовъ (впослѣдствіи членъ первой и второй Государ-

ственной Думы), былъ Е. Н. Щепкинъ (ставшій профессоромъ въ Одессѣ и членомъ первой Думы) и кн. С. Д. Урусовъ (ставшій въ освободительное время товарищемъ министра), семьи которыхъ стояли въ старыхъ прятельскихъ отношеніяхъ съ якушкинской семьей. Такъ вышло, что и весь довольно многочисленный кружокъ нашъ тѣсно примкнулъ къ В. Е., объявивъ его своимъ «епископомъ», себя же—его пастырой. И В. Е. въ самомъ дѣлѣ сталъ пастыремъ нашего безпокойнаго и склоннаго переступать всѣ установленныя границы стада. Никто изъ насъ не въ состояніи, конечно, забыть еженедѣльныхъ нашихъ собраній у него въ домѣ, гдѣ рядомъ съ нами, зеленой молодежью, бывали и виднѣйшіе изъ представителей тогдашней профессуры, какъ А. И. Чупровъ, Ѳ. Е. Коршъ, С. С. Корсаковъ и др. Иные изъ насъ были отчаянные критики склонные заниматься рѣшительной «переоцѣнкой цѣнностей», а онъ,—природный консерваторъ по бережному отношенію ко всякому культурному наслѣдію,—насъ слушалъ съ легкой, ласковой ироніей и, не вдаваясь въ споры, только по временамъ напоминалъ что за деревьями мы не видимъ часто лѣса. Пусть въ университетѣ,—а университетъ тогда естественно служилъ для нашей критики едва ли не главной мишенью, — не все идетъ какъ слѣдуетъ, — внушалъ онъ намъ, — но университетъ какъ учрежденіе всѣмъ намъ долженъ

оставаться дорогъ, и то почтеніе, которое онъ питалъ къ университетскимъ идеаламъ, передавалось намъ даже въ ту пору, когда мы не желали «ничего благословить во всей природѣ». Дѣйствительно какъ праздникъ встрѣчали мы тогда «Татьянинъ день» подъ предсѣдательствомъ такого амфитріона. Но, относясь благодушно къ высказыванью самыхъ задорныхъ мнѣній и даже къ извѣстнымъ дурачествамъ въ поступкахъ, В. Е. въ то же время серьезно самъ взялъ всѣхъ насъ на свою душу, заботливо слѣдя, чтобы мы въ жизненномъ поведеніи не допускали промаховъ, послѣдствія которыхъ трудно поправимы. Его внушенія въ подобныхъ случаяхъ были немногословны, но дѣлались такимъ проникновеннымъ тономъ, что самый ярый бунтовщикъ какъ-будто подъ вліяніемъ гипноза имъ уступалъ почти безъ боя, и для раскаянья потомъ никогда не находилось основаній. Такъ, лично у меня въ студенческое время сложились съ В. Е. такія отношенія, какъ-будто бы онъ былъ мнѣ старшимъ братомъ.

Но, пробѣгая мыслью длинный рядъ лѣтъ, которая продолжалась эта на зарѣ юности завязавшаяся дружба, поражаешься другимъ. Прошли года. Разница въ возрастѣ, игравшая сначала такую роль, потеряла прежнее значеніе. По степени развитія, по суммѣ жизненнаго опыта мы постепенно съ В. Е. сравнялись. Прежній студентъ и прежній магистрантъ съ теченіемъ време-

ни перешли въ жизни на полную товарищескую ногу. И все-же всегда для меня В. Е. оставался старшимъ. То не былъ просто пережитокъ болѣе раннихъ отношеній. Здѣсь было глубокое психологическое основаніе. Не разъ, когда на жизненномъ пути встрѣчались исключительно трудные вопросы и голова запутывалась въ опредѣленіи правильнаго пути, теряясь въ аргументахъ «за» и «противъ», являлось влеченіе снова «спроситься» у Вяч. Евг., и самая короткая бесѣда съ нимъ уже у взрослого человѣка прекращала колебанія воли. Онъ не вдавался никогда при этомъ въ логическія пренія. Нѣсколько положеній съ характеромъ кантовскаго «категорическаго императива», и тамъ, гдѣ раньше все было въ туманѣ, воцарялась ясность. «Не знаю, какъ все это разобрать, но поступить порядочному человѣку тутъ можно только такъ»,—и получалось (не требовавшее никакой аргументаціи, само собою становившееся обязательнымъ) рѣшеніе. Въ этой непогрѣшимой вѣрности его нравственнаго чувства, не поддававшася никакимъ соблазнамъ и софизмамъ, и заключалась тайна, почему среди сверстниковъ онъ все-же оставался «старшимъ», способнымъ къ руководству. Даръ этотъ ему былъ данъ, конечно, отъ природы, но изощрился благодаря тому, что В. Е., какъ внукъ И. Д. Якушкина и сынъ Е. И. Якушкина, берегъ въ себѣ не только собственную нравственную личность:

туть формула noblesse oblige давала чувствовать свое значеніе въ самомъ высокомъ смыслѣ. За-то кто сколько-нибудь зналъ В. Е., всѣ исполнялись въ вопросахъ совѣсти безграничнаго къ нему довѣрія. «Куда пошелъ В. Е., туда можно идти съ закрытыми глазами: его присутствие дѣлаетъ невыносимымъ даже налетъ чего-нибудь дурнаго».

И въ то же время подобное неукоснительное служеніе нравственному долгу нисколько не придавало личности В. Е. угрюмага, аскетическаго отпечатка. Путь долга не былъ для него тернистъ, онъ шелъ имъ съ яснымъ, бодрымъ настроеніемъ духа. Онъ любилъ жизнь и при оцѣнкѣ ея явленій рѣшительно былъ склоненъ къ оптимизму: недаромъ свѣтлый Пушкинъ былъ для него любимѣйшимъ поэтомъ. Такая жизнерадостность, свободная отъ эгоизма, въ сочетаніи съ готовностью во имя высшихъ требованій пожертвовать безъ ропота всѣмъ, чтобы остаться только самому съ собой въ мѣрѣ, и придавала исключительную обаятельность его натурѣ. И подъ свинцовымъ небомъ реакціи, во времена господства Побѣдоносцева и Плеве, В. Е. не позволялъ духу унынія взять надъ собой верхъ. Онъ находилъ, чѣмъ жить, отдаваясь культу науки и литературы: онъ отечески журилъ и насъ, своихъ «пасомыхъ», если мы проявляли склонность къ пессимизму. Когда же на небѣ занялась заря освобожденія, то надо было

видѣть В. Е.: та радость, которой прониклось все его внутреннее существо, прямо струилась и наружу какимъ-то особеннымъ сіяніемъ, шедшимъ изъ его глазъ, всегда дышавшихъ лаской, и отъ всей его фигуры.

Но эта лихорадка сначала счастья, затѣмъ волненія и негодованія, — отчаязью онъ никогда не поддавался, — которой В. Е. былъ охваченъ при освободительномъ движеніи, въ связи съ огромной работой, не знавшей ни отдыха, ни срока, и привела его къ безвременной могилѣ. Для человѣка сердца, какимъ онъ былъ, инныя изъ недѣль и даже дней здѣсь шли за годы, и сердце, наконецъ, отказалось правильно работать. Такая гибель избранныхъ людей у насъ въ Россіи — жестокая трагедія, къ которой намъ пора было бы привыкнуть, если бы душа, упорно требующая отъ судьбы хотя капли справедливости въ ея велѣніяхъ, была на то способна.

Н. Сперанскій.

Къ кончинѣ В. Е. Якушкина.

Все болѣе и болѣе рѣдѣетъ кругъ тѣхъ людей, на которыхъ шесть лѣтъ тому назадъ Россія возложила великую и тяжелую задачу быть выразителями народныхъ стремленій къ свободѣ и справедливости въ первомъ русскомъ законодательномъ собраніи. Многіе изъ нихъ ушли изъ жизни, въ томъ числѣ люди столь близкіе Москвѣ, какъ М. Я. Герценштейнъ, Г. Б. Юлосъ, С. А. Муромцевъ, Г. Ф. Шершеневичъ. Третьяго дня мы узнали, что ушелъ вслѣдъ за ними и В. Е. Якушкинъ. Извѣстіе это отзовется глубокой скорбью въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, у кого были однѣ радости и горести съ почившимъ и въ незабвенную эпоху освободительнаго движенія, и въ послѣдовавшіе за нею тяжелые годы безвременья...

Вячеславъ Евгеньевичъ былъ однимъ изъ тѣхъ борцовъ за освобожденіе и обновленіе Россіи, которые стали на работу «съ ранняго утра», «съ перваго часа». Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые еще въ первые годы текущаго столѣтія, разбросанные по всей Россіи, чувствовали себя товарищами, участниками общаго дѣла, тогда еще только-что вступающаго изъ области «мечтаній» въ сферу практической

жизненной борьбы, которые начали политическую работу въ земскихъ собранияхъ былого времени и продолжали ее на земскихъ съѣздахъ, въ партійныхъ организаціяхъ и въ Государственной Думѣ до тѣхъ поръ, пока возможность активнаго участія въ политической жизни не была у нихъ отнята. Мнѣ лично довелось впервые сойтись и сблизиться съ покойнымъ въ тѣхъ земскихъ кругахъ, изъ которыхъ вышла идея земскихъ съѣздовъ и которые составили основное ядро этихъ послѣднихъ. В. Е. Якушкинъ въ качествѣ одного изъ выдающихся дѣятелей тогдашняго курскаго губернскаго земства вошелъ въ составъ общеземскаго бюро, созвавшаго ноябрьскій земскій съѣздъ 1904 года и опредѣлившаго программу его занятій. Онъ принималъ въ работахъ бюро и съѣздовъ дѣятельное участіе. Между прочимъ имъ былъ написанъ основной докладъ бюро ноябрьскому съѣзду «по вопросу объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни»,—тотъ докладъ, при которомъ съѣзду были представлены извѣстные «тезисы» и обсужденіе котораго закончилось первымъ—послѣ долгаго времени—открытымъ общественнымъ заявленіемъ о необходимости конституціи.

Еще въ качествѣ участника земскихъ съѣздовъ В. Е. удѣлялъ особое вниманіе крестьянскому вопросу и въ частности земельному вопросу. На томъ же

вопросѣ была главнымъ образомъ сосредоточена дѣятельность его въ рядахъ партіи народной свободы и въ Государственной Думѣ. Ему пришлось баллотироваться въ Думу въ Курской губерніи, которая уже тогда пользовалась репутаціей одного изъ главныхъ средоточій крайнихъ правыхъ элементовъ. Шансы «кадетовъ», выступавшихъ тамъ, представлялись поэтому сомнительными. Я помню, какъ передъ выборами при одной изъ встрѣчъ съ В. Е. я выражалъ сожалѣніе, что ему приходится вести избирательную борьбу въ столь неблагоприятныхъ условіяхъ. Онъ однако смотрѣлъ на предстоящіе выборы бодро и оптимистически, и исходъ ихъ оправдалъ его оптимизмъ. Нѣсколькимъ выдающимся земцамъ Курской губерніи удалось побѣдоносно пройти даже сквозь земельладельческую курию, — что же касается губернскаго избирательнаго собранія, то въ немъ кандидатура дѣятелей съ образомъ мыслей В. Е. Якушкина имѣла уже подъ собой твердую почву, такъ какъ по избирательному закону 11-го декабря 1905 г. Курская губернія принадлежала къ числу тѣхъ, гдѣ абсолютное большинство въ губернскомъ собраніи составляли выборщики отъ крестьянъ. Проведенный, такимъ образомъ, въ Думу крестьянскими голосами, Вячеславъ Евгеньевичъ въ полной мѣрѣ оправдалъ тамъ довѣріе своихъ избирателей. Его помыслы и заботы были посвящены прежде всего земельной реформѣ. Онъ былъ виднымъ

и дѣятельнымъ членомъ аграрной комиссіи. Такъ-называемое «заявленіе 42-хъ»,—проектъ аграрной реформы, внесенный въ Думу и переданный на разсмотрѣніе аграрной комиссіи,—было выработано при его активномъ участіи, и среди подписей подъ этимъ заявленіемъ первымъ значится его имя. В. Е. стоялъ всегда за самое широкое и послѣдовательное проведеніе въ жизнь тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу аграрной программы к.-д. партіи. Многимъ его воззрѣнія въ этой области казались слишкомъ радикальными, и ему приходилось выдерживать немало споровъ. въ которыхъ онъ отстаивалъ со стойкостью и жаромъ челоуѣка, твердо убѣжденнаго и вложившаго въ вопросъ всю свою душу.

Выборгское воззваніе привело В. Е. Якушкина, какъ и многихъ другихъ его сотоварищей, на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ въ одиночную камеру московской губернской тюрьмы. Тюремное заключеніе губительно подѣйствовало на его здоровье. При встрѣчахъ съ товарищами на прогулкахъ онъ не жаловался на тяжесть тюремнаго режима, но мы все ясно видѣли, какъ непоправимо разрушительно этотъ режимъ дѣйствуетъ на его организмъ. Онъ вышелъ изъ тюрьмы съ безповоротно подорванными силами, и послѣдніе годы его жизни были годами медленнаго угасанія.

Пусть будетъ ему легка земля, та

родная земля, которая была такъ тѣсно
связана въ его мысляхъ и чувствахъ.
съ заботами о судьбѣ русскаго крестьян-
ства.

Ө. Ковошкинъ

Изъ воспоминаній о В. Е. Якушкинѣ.

Въ первый разъ я увидалъ В. Е. 25 лѣтъ тому назадъ на засѣданіи Общества любителей россійской словесности: онъ читалъ докладъ о необходимости возстановленія текста сочиненій Пушкина во всей полнотѣ.

В. Е. тогда невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе: молодой, очень красивый, цвѣтушало здоровья, онъ читалъ какъ-то удивительно просто и убѣжденно. Даже обаяніе знаменитой рѣчи покойнаго В. О. Ключевского, говорившаго въ концѣ засѣданія, не заслонило для меня впечатлѣнія отъ всей личности В. Е.: отъ него вѣяло чѣмъ-то особенно надежнымъ, простымъ и вѣрнымъ.

Послѣдующее мое знакомство съ В. Е. только углубляло и расширяло все то же впечатлѣніе вѣрности, моральной чуткости, исключительнаго благородства и безконечной доброты. Наши встрѣчи сдѣлались чаще съ гѣхъ поръ, какъ онъ довѣрилъ мнѣ обученіе всѣхъ своихъ дѣтсей, и мнѣ теперь невольно вспоминаются нѣкоторые моменты изъ этихъ встрѣчь.

Я помню другой моментъ. Мы сидимъ съ нимъ въ его скромной рабочей комнатѣ. Мы говоримъ о томъ, какъ измѣнилось правовое положеніе конститу-

пiонно - демократической партiи, и онъ замѣчаетъ: «Да, теперь собранiя будутъ трудны: будутъ арестовывать». И какъ - разъ въ это время ему подають записку съ приглашенiемъ немедленно председательствовать на партiйномъ собранiи въ одной изъ видныхъ московскихъ гостиницъ. В. Е. извинился передо мною; жена принесла ему сюртукъ, на который онъ смѣнилъ домашнiй пиджакъ. И, какъ - будто отправляясь въ гости, застегивая пуговицы сюртука, совершенно спокойно простился со мною...

И чѣмъ-то былымъ, бывшимъ около ста лѣтъ тому назадъ, повѣяло на меня отъ естественности этого спокойствiя, отъ все той же вѣрности.

Судьба,—жестокая въ своей слѣпотѣ судьба,—оказалась несправедливой къ В. Е. и за нѣсколько лѣтъ до кончины сразила его тяжкимъ недугомъ, отнявшимъ у него всякую возможность общественной работы. Но и этотъ тяжелый недугъ не могъ сломить того основнаго, что было въ самой природѣ В. Е.

Когда онъ узнавалъ, уже больной, о какой-нибудь радостной или, наоборотъ, тяжелой новости изъ нашей общественной или моральной жизни, онъ уже не могъ отзываться на нее горячимъ поступкомъ или словомъ, какъ это бывало прежде, но слезы, блестящiя въ его глазахъ, говорили, что В. Е. все тотъ же.

И если дѣйствительное человѣческое благородство выражается въ полномъ

отсутствіи какой бы то ни было притязательности, рисовки, тщеславія и въ скромной естественности непосредственнаго и неизмѣннаго служенія добру, то именно это глубочайшее благородство и составляло основу природы В. Е.

И рѣдко-рѣдко жизнь балуетъ встрѣчей съ людьми, въ которыхъ природное благородство выражалось бы такъ беззавѣтно, въ такой полнотѣ и правдѣ.

А. Алферовъ

5-го декабря 1912 г.

Историко-литературныя работы В. Е. Якушкина.

Собравшись говорить о литературных трудах В. Е., объ его работѣ въ Обществѣ любителей російской словесности, невольно останавливаешься прежде всего на его личности. Это неизбѣжно для всѣхъ, кто его зналъ и съ нимъ соприкасался. Личнымъ элементомъ проникнуты всѣ появившіяся сообщенія о немъ, какихъ бы сторонъ дѣятельности покойнаго они ни касались. Я зналъ В. Е. на протяженіи 30-ти слишкомъ лѣтъ, входя въ составъ товарищескаго кружка, который образовался вокругъ него, вся его литературная работа прошла на моихъ глазахъ, рядъ лѣтъ мы дѣйствовали вмѣстѣ въ Обществѣ любителей словесности, и для меня образъ его, какъ историка литературы, нераздѣльно слитъ съ основными чертами его привлекательной личности. И тамъ, и здѣсь—одни и тѣ же свойства; та же ясность мысли, чистота и непогрѣшимость нравственнаго чувства, та же преданность лучшимъ завѣтамъ русскаго просвѣщенія, та же основательность сужденій, та же скромность личныхъ выступленій и простота языка и рѣчи.

I.

В. Е. не сдѣлалъ изъ исторіи литературы своей спеціальности; онъ былъ

магистромъ русской исторіи, но наибольшая часть того, что написано имъ, лежитъ въ области русской литературы, да и въ историческихъ его работахъ (исключая диссертацию) интересъ всегда сосредоточивался вокругъ близкихъ литературъ вопросовъ русскаго просвѣщенія, исторіи цензуры и т. п. Съ литературы начались его печатные труды 30 лѣтъ назадъ, ей по преимуществу были отданы его силы въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ; позднѣе онъ сталъ заниматься земскимъ дѣломъ, земельнымъ вопросомъ и лѣтъ 7—8 назадъ значительно отдался широкой общественной политической дѣятельности, но и тутъ В. Е. не забывалъ дорогой ему литературной работы: отбывая тюремное заключеніе въ 1908 г., уже больной, онъ еще продолжалъ готовить къ печати академическое изданіе Пушкина. Такимъ образомъ, исторія русской литературы имѣетъ всѣ основанія видѣть въ немъ своего постоянного дѣятеля, притомъ даваго въ нѣкоторыхъ вопросахъ очень много новаго и важнаго.

Всего болѣе относятся послѣднія слова, естественно, къ многолѣтнимъ трудамъ В. Е. надъ Пушкинымъ. Съ осени 1882 г. началъ онъ изслѣдованіе рукописей Пушкина, а оставилъ занятія любимымъ поэтомъ всего четыре года назадъ, уже побѣжденный болѣзью. По близкимъ связямъ Пушкина съ декабристами любовь и уваженіе къ нему издавна жили въ якушкинской семьѣ.

Еще дѣдъ В. Е., познакомившійся съ поэтомъ у Чаадаева и проведеншій съ нимъ нѣсколько времени зимой 1820 г. въ Каменкѣ, называетъ его въ своихъ запискахъ «истинно народнымъ поэтомъ, какого не знала прежде Россія». Сыну декабриста Е. И. Якушкину передано это чувство, и онъ любовно копилъ въ своей интересной библіотекѣ матеріалы по Пушкину; онъ собралъ много списковъ и автографовъ неизданныхъ или искаженныхъ цензурой его произведеній и снабжалъ этими цѣнными матеріалами извѣстныя «Библіографическія Записки» А. Н. Афанасьева въ 1859—1860 гг. В. Е. унаслѣдовалъ культъ Пушкина отъ отца и сталъ однимъ изъ крупныхъ нашихъ пушкинистовъ. Онъ первый научно обслѣдовалъ огромный пушкинскій архивъ Румянцовскаго музея, едва онъ сталъ въ 1882 г. доступенъ для изученія. Цѣлый томъ составило печатавшееся весь 1884 годъ въ «Русской Старинѣ» его тщательное описаніе рукописей, надъ которымъ онъ работалъ непрерывно два года. Это описаніе проложило дорогу всѣмъ научнымъ трудамъ по пушкинскому тексту и прежде всего—изданію Литературнаго Фонда 1887 г. подъ ред. П. Морозова, который, исходя изъ работы В. Е., провелъ ее дальше. Изданіе это въ свою очередь явилось, такъ сказать, предвѣстникомъ академическаго, такъ какъ его программа была установлена при участіи академіи наукъ. Одновременно В. Е., продолжая

усиленно заниматься Пушкинымъ, читая доклады, печатая статьи, разбирая недостатки существующихъ изданій, неустанно взывалъ печатно къ академіи, указывалъ, что полное критическое изданіе Пушкина составляетъ ея прямой долгъ, что она одна можетъ достойно выполнить эту задачу. Въ результатъ академія приступила къ работамъ; въ нихъ, начиная съ II тома, принялъ ближайшее участіе самъ В. Е., выпустившій II томъ и приготовившій почти весь III, который вышелъ уже въ нынѣшнемъ году. Прибавимъ, что В. Е., такъ много поработавшій надъ установленіемъ подлиннаго и полнаго текста Пушкина и явившійся въ извѣстной мѣрѣ инициаторомъ этого труднаго дѣла, не ограничивался заботами о большомъ академическомъ изданіи; прирожденный ему демократизмъ побуждалъ его думать при этомъ объ интересахъ широкихъ круговъ русскаго общества. Въ 1887 г., обзрѣвъ въ большой статьѣ исторію пушкинскаго текста со времени появленія въ свѣтъ первой вещи поэта, онъ привѣтствуетъ свѣжее извѣстіе о намѣреніи академіи издать сочиненія Пушкина и говоритъ далѣе: «Само собою разумѣется, что на-ряду съ такимъ роскошнымъ изданіемъ должно быть сдѣлано изданіе болѣе простое и очень дешевое,—быть-можетъ, даже потребуются нѣсколько разныхъ изданій». Желая сколько-нибудь приблизить исполненіе своей дорогой мечты,—дать русскому

народу дешеваго и достойно издавнаго Пушкина, — В. Е. тогда же предложилъ Обществу любителей російской словесности выпустить хотя нѣкоторыя крупныя произведенія въ отдѣльныхъ книжкахъ, и Общество издало подъ редакціей В. Е. «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и «Полтаву» въ дешевомъ, но изящномъ видѣ, съ полнымъ, тщательно выработаннымъ текстомъ, который немедленно же былъ воспринятъ народными изданіями Сытина.

Исслѣдованіемъ пушкинскаго текста не ограничивались работы В. Е. Въ его книгѣ «О Пушкинѣ» (1899 г.) есть нѣсколько статей иного характера; сюда относятся: «Радищевъ и Пушкинъ», цѣнная работа 80-хъ годовъ, вызвавшая много толковъ и не утратившая до сихъ поръ своего значенія, затѣмъ важны впервые сообщенныя новыя отрывки изъ «Дневника» Пушкина. Къ сожалѣнію, сюда не вошла рѣчь В. Е. въ засѣданіи Общества любителей російской словесности 27-го мая 1899 г. на праздникъ столѣтія рожденія Пушкина; эта рѣчь «Общественные идеалы Пушкина», какъ извѣстно, повела за собой временную высылку В. Е. изъ Москвы. Здѣсь подробнѣе и съ большой силой убѣжденія развивались тѣ же мысли о направленіи Пушкина въ николаевскій періодъ, которыя въ основѣ даны статьей «Радищевъ и Пушкинъ».

Второй крупной работой В. Е. по литературѣ слѣдуетъ признать прекрасное, внимательное изданіе въ 1903 г.

цѣнной рукописи «Горе отъ ума», исполненное имъ для московскаго Историческаго музея. Эта такъ-называемая бѣгичевская рукопись впервые дала текстъ знаменитой комедіи на $\frac{9}{10}$ въ автографѣ Грибоѣдова, тогда какъ до того времени онъ печатался лишь по различнымъ спискамъ; это изданіе вмѣстѣ съ появившейся въ нынѣшнемъ году (подъ редакціей Н. К. Пиксанова) жандровской рукописью составляютъ теперь два краеугольныхъ камня всѣхъ будущихъ работъ по «Горю отъ ума».

Затѣмъ слѣдуетъ назвать редактированные В. Е. вмѣстѣ съ П. А. Ефремовымъ «Семь статей Бѣлинскаго», изданныя по подлиннымъ рукописямъ, со многими дополненіями противъ печатнаго текста; эти статьи составили цѣлую книжку въ 150 страницъ, и въ числѣ ихъ есть такія важныя, какъ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года»; онѣ были изданы къ 50-тилѣтію смерти Бѣлинскаго, и тогда же В. Е. сообщилъ въ печати новыя данныя къ біографіи критика. Такое обогащеніе исторіи литературы свѣжимъ матеріаломъ нерѣдко наблюдается въ статьяхъ В. Е., которыхъ такъ много появлялось за 80-е и 90-е годы, всего чаще въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; кромѣ указаннаго отмѣтимъ еще «Новые матеріалы къ біографіи М. С. Щепкина» въ 1888 г. Но и тамъ, гдѣ В. Е. не давалъ новыхъ матеріаловъ, его статьи стояли вполнѣ на высотѣ научныхъ требованій, и на нихъ всегда

можно было положиться. Кругъ писателей, которымъ посвящены были его статьи, довольно широкъ; онъ писалъ о Радищевѣ (прекрасная статья «Судъ надъ русскимъ писателемъ» въ «Русск. Старинѣ» 1882 г.), Новиковѣ, Грибоѣдовѣ, Лажечниковѣ, Мочаловѣ, Полежаевѣ, Бѣлинскомѣ, Погодинѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Л. Толстомѣ; и этотъ списокъ вовсе не полонъ. Нельзя забыть также его содержательныхъ и серьезныхъ обзорѣнъ нашихъ историческихъ ежемѣсячниковъ, которыя онъ велъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» на протяжении нѣсколькихъ лѣтъ и гдѣ умѣло отмѣчалъ данныя по культурѣ и быту, по литературѣ и просвѣщенію.

II.

Въ Обществѣ любителей россійской словесности В. Е. появляется съ 1885 года (избранъ въ декабрѣ 1884 г.) вмѣстѣ съ новымъ председателемъ Н. С. Тихонравовымъ, который и привлекъ его туда. Съ тѣхъ поръ онъ работаетъ въ Обществѣ 20 лѣтъ (последній докладъ его въ 1904 г. былъ посвященъ Грибоѣдову), занимая одно время мѣсто секретаря. Почти всѣ свои статьи по литературѣ В. Е. прочитывалъ предварительно на засѣданіяхъ въ видѣ докладовъ, которыхъ сдѣлано имъ около 20-ти. Но онъ не ограничивался только докладами; имъ въ первый же годъ своего вступленія въ Общество былъ разработанъ планъ двухъ изданій Пушкина, — для образованной

публики и для широкаго слоя читателей; плану этому не суждено было осуществиться по недостатку тогда въ Обществѣ денежныхъ средствъ. Затѣмъ онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ цѣломъ рядѣ выставокъ, устроенныхъ Общствомъ въ 90-хъ годахъ въ связи съ различными литературными юбилеями и помпиками. Обладая интересомъ и любовью къ книгѣ, хотя безъ увлеченія антикварствомъ, хорошо знакомый съ иконографіей писателей и прекрасно разбираясь въ портретахъ, гравюрахъ, онъ сошелся одно время съ жившимъ тогда въ Москвѣ извѣстнымъ П. А. Ефремовымъ и убѣдилъ его содѣйствовать успѣху этихъ выставокъ своими драгоценными коллекціями. При помощи Ефремова и вмѣстѣ съ нимъ В. Е. явился однимъ изъ главныхъ устроителей выставокъ въ память Новикова, Грибоѣдова, императрицы Екатерины, Бѣлинскаго, Пушкина. Эти выставки были тогда новостью и возбуждали много интереса въ публикѣ, а двѣ послѣднія, бывшія въ 1898 и 1899 гг., организованы были по столь широкой программѣ, были такъ разнообразны и богаты, что вызвали изданіе большихъ, обильно иллюстрированныхъ альбомовъ-каталоговъ, въ составленіе которыхъ тоже вкладывалъ много труда В. Е. Выставка имени Бѣлинскаго, долго не закрывавшаяся въ Москвѣ, была затѣмъ перевезена въ Пензу къ тамошнимъ майскимъ празднествамъ и сильно содѣйствовала ихъ

успѣху. Въ Дензѣ изъ этихъ торжествъ вытекла мысль объ изданіи сборника имени Бѣлинскаго, и организаторы просили редактировать его В. Е., Ефремова и пишущаго эти строки. Пушкинская выставка была еще грандіознѣе; она занимала рядъ залъ Историческаго музея, была открыта едва ли не цѣлый мѣсяцъ, привлекая множество публики. Въ устройствѣ ея мнѣ и ряду другихъ лицъ снова пришлось работать об-руку съ В. Е., который отдался всей душой большой и сложной задачѣ,—отмѣтить столѣтній юбилей любимаго своего поэта. Я какъ сейчасъ помню нашу напряженную общую работу, неторопливое, но глубокое и серьезное увлеченіе В. Е.; среди всѣхъ участниковъ чувствовался, поддерживаемый и направляемый имъ духовный подъемъ; отъ непрерывнаго соприкосновенія съ вещами Пушкина, портретами, книгами образъ его какъ-то приблизился къ намъ, вѣяніе его обаятельной личности словно носилось надъ нами во время работы. Я передаю свои личныя впечатлѣнія, но В. Е., несомнѣнно, чувствовалъ и переживалъ съ нами все это и, можетъ-быть, въ болѣе сильной степени, только онъ не любилъ изліяній словесныхъ, и подъемъ настроенія у него претворялся въ работу. Недаромъ однако онъ надписалъ мнѣ на вышедшемъ тогда сборникѣ его статей о Пушкинѣ: «На память о работѣ на пушкинской выставкѣ 1899 г.»

внѣнгопоу и внѣнгопѣи 'ичнѣло дѣя
Пушкинымъ начались мои воспомина-
нанія о литературныхъ трудахъ В. Е.,
Пушкинымъ и закончились. Какъ для
всѣхъ изучающихъ его работы, такъ и
для меня по личному общенію онъ
навсегда останется связанъ болѣе всего
съ нашимъ великимъ народнымъ гени-
емъ, съ этимъ необычайно умнымъ,
искреннимъ, прямымъ и сердечнымъ че-
ловѣкомъ, котораго такъ знаменатель-
но, такъ подстать избралъ В. Е. пред-
метомъ своей особой любви и покло-
ненія.

А. Е. Грузинскій.

В. Е. Якушкинъ какъ изслѣдователь Грибоѣдова.

Въ общемъ составѣ литературнаго наслѣдія покойнаго Вячеслава Евгеньевича работы по Грибоѣдову занимаютъ не первое мѣсто. Авторъ «Горя отъ ума» и другіе русскіе поэты меркли въ лучахъ солнца русской поэзіи—Пушкина, которому В. Е. Якушкинъ отдалъ наибольшее вниманіе. Но и то немногое, что написано имъ о Грибоѣдовѣ, обязываетъ насъ къ теплой признательности; одна же изъ этихъ работъ останется навсегда незабвенной не только въ грибоѣдовской, но и въ общей русской литературной историографіи.

Первая значительная статья о Грибоѣдовѣ (мелкихъ замѣтокъ до и послѣ нея мы не будемъ упоминать) написана В. Е. въ 1890 году: «Горе отъ ума» и новое собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова» («Русскія Вѣдомости, 1890, 28-го іюля, № 205»). Вызванная новымъ изданіемъ Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина (Спб., 1889, два тома) статья предлагаетъ читателямъ весьма обстоятельный и объективный разборъ этого изданія. Авторъ благожелательно перечислплъ всѣ большія достоинства его, но не обошелъ молчаніемъ и недостатковъ и спорныхъ вопросовъ. Особенно много возраженій со стороны В. Е.

вызвали приемы установления текста «Горя отъ ума». Очень убѣдительно оспаривалъ В. Е. эклектическій, компилятивный методъ и совершенно основательно настаивалъ на систематическомъ воспроизведеніи наиболѣе авторитетной рукописной редакціи. Тогда еще В. Е. и не подозрѣвалъ, что ему самому суждено опубликовать въ печати одинъ изъ такихъ текстовъ, именно музейный автографъ «Горя отъ ума», да и самая эта рукопись еще не была ему извѣстна; но въ его увѣренныхъ, точныхъ, методическихъ сужденіяхъ уже сказывался знатокъ редакціонной техники. Здѣсь же онъ высказалъ справедливое сужденіе о важности соблюдать въ печати подлинную грибоѣдовскую пунктуацию, чтобы не исказить настоящаго смысла текста. Въ статьѣ разсыпано немало цѣнныхъ замѣчаній историко-литературнаго и эстетическаго значенія: объ одинокомъ положеніи «Горя отъ ума» въ творествѣ Грибоѣдова, о сходствѣ сцены Марины и Рузи въ пушкинскомъ «Борисѣ Годуновѣ» съ діалогами Софьи и Лизы, о необходимости *академическаго* изданія Грибоѣдова.

Въ 1895 г., когда Россія праздновала столѣтіе со дня рожденія Грибоѣдова, В. Е. выступилъ съ небольшою, но цѣнной статьей «Спорные годы въ біографіи Грибоѣдова» («Русскія Вѣдомости», 1895, 30-го марта, № 88). Здѣсь поставленъ былъ на обсужденіе вопросъ, который и понынѣ не сходитъ съ очереди,—о годѣ рожденія поэта,—и В. Е.,

пересмотрѣвъ всѣ извѣстные тогда факты и соображенія, склоняется къ 1794 или 1795 г., что, дѣйствительно, всего вѣроятнѣе. Другой вопросъ, занимавшій автора,—вопросъ объ университетскихъ годахъ поэта. В. Е. спѣшилъ освѣдомить широкій кругъ читателей о новыхъ документальныхъ данныхъ, только-что появившихся тогда въ печати и установившихъ важную біографическую новинку: что Грибоѣдовъ еще въ 1808 г. получилъ въ московскомъ университетѣ дипломъ кандидата словесныхъ наукъ. Отвергая торопливый выводъ, что въ томъ же году Грибоѣдовъ оставилъ университетъ, В. Е. высказалъ увѣренность, что поэтъ продолжалъ свои академическія занятія до 1812 года, и теперь мы можемъ подтвердить это мнѣніе новыми документами.

Въ тѣ же юбилейные дни В. Е. далъ на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (№№ 4-й и 13-й) общій очеркъ «А. С. Грибоѣдовъ и его комедія», а четыре года спустя, къ 70-тилѣтію со дня смерти Грибоѣдова, онъ рассказалъ читателямъ объ обстоятельствахъ, окружавшихъ тегеранскую катастрофу 30-го января 1829 г. («Русскія Вѣдомости», 1899, № 30-й: В. Введенъевъ. «Кончина А. С. Грибоѣдова»). Позднѣе, въ 1904 г., эта же статья, въ увеличенномъ объемѣ, снова была напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 30-й и 34-й) и оказалась лучшимъ опытомъ характеристики послѣднихъ лѣтъ жизни Грибоѣдова. Какъ извѣстно, В. Е. Якушкинъ высту-

паль иногда въ широкой популярной литературѣ; его перу принадлежитъ, напримеръ, брошюра «Декабристы, кто они были и чего они хотѣли» (Спб., 1906, изд. «Народное Право», ц. 5 к.). И если бы В. Е. переработалъ свои статьи о Грибоѣдовѣ въ цѣлую книжку, она заняла бы достойное мѣсто въ общеобразовательной библіотекѣ.

Но В. Е. Якушкина ждала другая работа, — не для публики, а для специалистовъ. Въ 1902 г. въ московскій Историческій музей поступила рукопись «Горя отъ ума», нѣкогда принадлежавшая другу Грибоѣдова С. Н. Бѣгичеву и потомъ хранившаяся у наследниковъ его. Это былъ драгоценный автографъ самого автора славной комедіи, *ранняя* (1823 г.) редакція пьесы, дающая богатый матеріалъ для творческой и текстуальной исторіи «Горя отъ ума». Необходимо было издать рукопись, и эта отвѣтственная работа была поручена В. Е. Якушкину. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ В. Е. былъ зрѣлымъ, законченнымъ ученымъ, располагавшимъ обширными познаніями въ русской литературѣ александровскаго времени и изощрившимся въ текстуальныхъ разслѣдованіяхъ; за нимъ уже былъ длинный рядъ превосходныхъ работъ по Пушкину, и академія наукъ только-что удостоила его высокой чести редактировать сочиненія Пушкина. При содѣйствіи А. И. Станкевича, давшаго палеографическое описаніе музейной рукописи,

В. Е. замѣчательно быстро приготовилъ ее къ печати, и въ 1903 году книга появилась въ свѣтъ (Императорскій россійскій Историческій музей. Описаніе памятниковъ. Выпускъ III. Рукопись комедіи А. С. Грибоѣдова «Горе отъ ума». Москва. 1903. Съ приложеніемъ пяти фототипическихъ снимковъ). Въ обстоятельномъ введеніи и обильныхъ примѣчаніяхъ редакторъ даетъ разностороннюю оцѣнку музейнаго автографа, сопоставляетъ его съ другими авторизованными рукописями комедіи и съ печатными текстами и устанавливаетъ основные моменты въ творческомъ созданіи «Горя отъ ума». Это разысканіе, небольшое по объему, но обильное новыми данными, одно могло бы дать Якушкину мѣсто среди виднѣйшихъ изслѣдователей Грибоѣдова. Но съ нарастаніемъ новыхъ матеріаловъ по Грибоѣдову оно начинаетъ ветшать въ своихъ частностяхъ, и новыя построенія выберутъ изъ него все цѣнное. Другое дѣло—самый текстъ музейнаго автографа. Такіе тексты дважды въ печати не воспроизводятся, и поэтому для научнаго обихода чрезвычайно важно, какъ они редактируются въ единственномъ изданіи. И редакторскіе приемы В. Е. достойны всякой похвалы. Къ изданію музейнаго автографа онъ примѣнилъ всѣ лучшіе методы, какіе выработала современная филологія. Онъ производитъ текстъ въ строжайшей точности, во всемъ своеобразіи авторской орфографіи и пунктуациі;

автографа тщательно описываются; музейный текст часто сопоставляется с разночтениями других редакций. Пишущему эти строки, по ходу его собственных занятий Грибоѣдовымъ, пришлось *трижды* свѣрять изданіе Вячеслава Евгеньевича съ подлинной рукописью, съ первой страницы и до послѣдней, и онъ долгомъ совѣсти считаетъ заявить, что погрѣшностей въ печатномъ текстѣ ничтожное количество, и бѣольшая часть изъ нихъ—простыя опечатки. Изданіе необходимо признать образцовымъ, и не только новые очередные издатели Грибоѣдова, но и другіе историки литературы могутъ учиться на немъ научной добросовѣстности, тщательности и точности въ редакціонной техникѣ

Послѣ 1904 года, насколько извѣстно, В. Е. Якушкинъ не возвращался болѣе къ Грибоѣдову. Но и того, что онъ сдѣлалъ, довольно, чтобы навсегда сохранить его имя въ грибоѣдовской историографіи.

Н. Пиксановъ

В. Е. Якушкинъ *).

(*Биографическія данныя*).

Вячеславъ Евгеньевичъ Якушкинъ, сынъ Е. И. Якушкина, юриста-этнографа, извѣстнаго знатока крестьянскаго права и изслѣдователя обычнаго права, и внукъ декабриста И. Д. Якушкина, родился 4-го октября 1856 года. Отецъ В. Е., Е. И. Якушкинъ, съ 1859 года состоялъ на службѣ въ Ярославлѣ сначала упрѣвляющимъ палатой государственныхъ имуществъ, а затѣмъ начальникомъ казенной палаты. Дѣтство В. Е. провелъ въ Ярославлѣ, гдѣ учился въ ярославской гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса онъ поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ историческихъ наукъ и былъ оставленъ при университетѣ. Таковъ учебный путь, пройденный В. Е. Школьные годы В. Е. прошли въ усиленныхъ занятіяхъ. Не только, конечно, школа развивала и воспитывала В. Е. Громадное вліяніе имѣла семья, исключительная по своей интеллигентности. Въ лицѣ отца своего В. Е. видѣлъ живое олицетвореніе неустаннаго труда, научнаго исканія, широкаго интереса и горячей любви къ народу, его жизни и быту. Живы были всегда въ

---

*) Статья Н. Иорданскаго.

семьѣ Якушкиныхъ воспоминанія и великіе моральныя завѣты дѣда, декабриста И. Д. Якушкина. Это были завѣты неустаннаго служенія родинѣ, идеалы вѣрности долгу, любви и терпимости. Такова была моральная атмосфера, которая окружала молодые поколѣнія въ родѣ Якушкиныхъ. И она-то воздѣйствовала на характеръ и душевный обликъ въ юные годы В. Е., на его моральныя качества и умственныя стремленія. Она создала изъ В. Е. ученаго-труженика, крупнаго политическаго и общественнаго дѣятеля, сердечнаго и высоко-гуманнаго человѣка, отца семейства, всегда окруженнаго теплою любовью и неустанными заботами.

По окончаніи университета В. Е. посвятилъ себя научнымъ занятіямъ. Въ 1890 году онъ получилъ степень магистра русской исторіи за диссертацию «Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв.». Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ состоялъ приватъ-доцентомъ по русской исторіи въ московскомъ университетѣ, читая обязательныя курсы по разнообразнымъ вопросамъ: исторіи русскаго просвѣщенія, исторіи русскихъ университетовъ, исторіи русской журналистики, исторіи внѣшней политики въ XVIII и XIX вв., древней русской лѣтописи и пр. Еще раньше началась литературная дѣятельность В. Е. Статьи его печатались въ журналахъ, — въ «Вѣстникѣ Европы», «Критическомъ Обозрѣніи», «Русской Старинѣ», въ «Чтеніяхъ Общества

Исторіи и Древностей Россійскихъ», — также въ газетахъ «Русскія Вѣдомости», «Сѣверный Край», «Курская Газета» и др.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» В. Е. съ молодыхъ лѣтъ принималъ самое близкое участіе сначала въ качествѣ сотрудника, а потомъ члена редакціи и издательскаго товарищества. Онъ писалъ статьи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» по разнообразнымъ вопросамъ, историческимъ и историко-литературнымъ (часто подъ псевдонимомъ В. Веденѣевъ), по политическимъ и экономическимъ, по вопросамъ народнаго просвѣщенія и по земскому дѣлу.

Первая статья В. Е. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» была о Пушкинѣ. Она была помѣщена въ знаменательный день 29-го января 1887 года, въ день пятидесятилѣтія со дня смерти русскаго поэта. 1-го февраля въ Москвѣ происходило чествованіе памяти поэта въ Обществѣ любителей руссійской словесности. Въ этомъ засѣданіи В. Е. былъ прочитанъ рефератъ о Пушкинѣ. Онъ носилъ заглавіе: «Очеркъ исторіи печатнаго пушкинскаго текста съ 1814 по 1887 годъ». Являясь однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и комментаторовъ пушкинскаго текста, В. Е. далъ обстоятельный очеркъ исторіи изданій произведеній Пушкина и отмѣтилъ, какъ много страдалъ пушкинскій текстъ отъ цензурныхъ измѣненій и искаженій. Цензура того времени, — характеризовалъ В. Е. въ своемъ рефератѣ, —

была произвольна, придирчива, она обращала вниманіе на мелочи, брала на себя роль эстетическаго критика. Пушкинъ часто въ своихъ письмахъ горько жалуется на нее. Мысль о цензурѣ, — говорилъ В. Е., — вредно отзывалась на самомъ творчествѣ поэта. Онъ измѣнялъ написанное сообразно требованіямъ цензуры. Въ послѣдующихъ изданіяхъ Пушкина по смерти поэта также вкрадывались опечатки, искаженія текста и цензурныя измѣненія. В. Е. указалъ въ заключеніе на необходимость академическаго изданія Пушкина, такъ какъ лишь академія въ состояніи дать вполне удовлетворительное изданіе.

Это пожеланіе В. Е. сбылось. Академическое изданіе Пушкина было начато, и въ этой работѣ пришлось позднѣе принять дѣятельное участіе В. Е. Послѣ смерти Л. Н. Майкова академія наукъ поручила В. Е. академическое изданіе сочиненій Пушкина, чѣмъ онъ и былъ занятъ нѣсколько лѣтъ.

Надъ Пушкинымъ В. Е. работалъ долгіе годы. Въ 1886 году появилась статья В. Е. «Радищевъ и Пушкинъ» сначала въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», а потомъ была издана отдѣльнымъ оттискомъ. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ другихъ статей о Пушкинѣ, которыя потомъ были изданы (въ 1899 году) въ сборникѣ статей и замѣтокъ «О Пушкинѣ». Въ 1887 году онъ редактировалъ предпринятая Обществомъ любителей россійской словес-

ности изданія «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и «Полтавы». В. Е. далъ первый описъ рукописей Пушкина. Многія произведенія Пушкина были впервые имъ напечатаны. Онъ разыскалъ множество черновыхъ набросковъ, относившихся и къ крупнымъ, и къ мелкимъ произведеніямъ, и разобралъ ихъ. Работы В. Е. по изученію пушкинскаго текста и по разборкѣ сохранившихся пушкинскихъ рукописей внесли много новаго и цѣннаго въ изученіе Пушкина и дали возможность увидѣть великія творенія поэта въ перскажемомъ опечатками и цензурными измѣненіями видѣ. Научное и литературное значеніе работъ В. Е. надъ пушкинскимъ текстомъ громадно и общепризнано.

27-го мая 1899 года въ Москвѣ въ Колонной залѣ русскаго Благороднаго собранія состоялось торжественное засѣданіе Общества любителей русскаго словесности, посвященное памяти Пушкина. Чествовалось столѣтіе со дня рожденія поэта. На собраніи В. Е. произнесъ рѣчь «Общественные взгляды Пушкина», въ которой высказалъ, что поэзія Пушкина и вся его литературная работа были проникнуты вольнолюбивыми мечтами, гуманными чувствами, и нашъ великій поэтъ съ силой и убѣжденіемъ служилъ «просвѣщенію». Спасшійся отъ декабрьской бури, — характеризовалъ В. Е. въ своей рѣчи общественные взгляды поэта, — Пушкинъ сохранилъ свои общественные идеалы, не измѣнилъ ихъ. Онъ постоянно

стремился къ созданію честной публицистики, какъ необходимаго условія правильной общественной жизни. Въ этомъ — великая заслуга Пушкина, до сихъ поръ еще не вполне оцѣненная. Рѣчь В. Е. вызвала горячіе аплодисменты, долго не смолкавшіе. За эту рѣчь В. Е. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Ярославль.

Научная, литературная и публицистическая дѣятельность далеко не исчерпываетъ всего богатства дарованій В. Е. Онъ былъ не только кабинетный работникъ, но и энергичный общественный дѣятель. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ культурныхъ общественныхъ организаціяхъ. Онъ стремился къ «общественности» во всѣхъ проявленіяхъ. Извѣстно его широкое и дѣятельное участіе въ земской работѣ. Онъ состоялъ губернскимъ гласнымъ курскаго губернскаго земства. Въмѣстѣ съ другими прогрессивными гласными В. Е. много поработалъ надъ развитіемъ народнаго образованія въ губерніи и надъ создаціемъ культурныхъ и просвѣтительныхъ начинаній. а когда въ земской жизни начался политическій подъемъ, В. Е. энергично выступалъ вмѣстѣ съ прогрессивной группой во всѣ выдающіеся политическіе моменты въ жизни курскаго земства, которые создали ему почетное мѣсто въ земскомъ либеральномъ движеніи начала 900-хъ годовъ.

Дѣятельную и выдающуюся роль

В. Е. игралъ въ томъ общественномъ движеніи, которое вылилось въ форму общеземскихъ съѣздовъ и которое имѣло такое громадное значеніе въ общемъ освободительномъ движеніи 1905—1906 гг. На ноябрьскомъ общеземскомъ съѣздѣ В. Е. выступилъ съ докладомъ, въ которомъ были съ необычайной силой и яркостью воспроизведены всѣ отрицательныя явленія русской жизни и изложены desiderata, которыя затѣмъ стали лозунгами освободительнаго движенія. Докладъ В. Е. произвелъ громадное впечатлѣніе на слушателей, которые единодушно приняли его, найдя въ немъ откликъ на всѣ ихъ заветныя думы и помыслы. Имя В. Е. приобрѣло тогда широкую популярность въ земскихъ кругахъ.

Событія шли съ головокружительной быстротой. Политическая и общественная жизнь шла ускореннымъ темпомъ. Происходилъ громадный сдвигъ въ общественномъ сознаніи. Вставала заря политическаго и общественнаго обновленія. Требовались силы, рабочія руки, руководители. Новыя теченія захватили В. Е., сполна. Заря новой жизни, занимавшаяся на политическомъ горизонтѣ, такъ близка была уму и сердцу В. Е. В. Е. выступаетъ въ первыхъ рядахъ политическихъ дѣятелей. Онъ въ числѣ организаторовъ конституціонно-демократической партіи. Онъ работаетъ надъ программой партіи. Онъ занятъ разработкой проектовъ, которые партія намерена внести въ парламентъ, чтобы

положить первый прочный фундамент органической законодательной работы по переустройству и обновленію государственной и общественной жизни. Онъ выступаетъ на политическихъ собраніяхъ, онъ участвуетъ въ избирательной агитаціи. Отъ Курской губерніи В. Е. избирается членомъ въ первую Государственную Думу.

Публицистическая дѣятельность В. Е. этого періода также приобрѣла широкую интенсивность. Къ этому времени относится возникновеніе въ Москвѣ (народной газеты «Народное Дѣло», поставившей своей задачей распространеніе прогрессивныхъ идей въ народной массѣ, редакторомъ которой становится В. Е. Газета эта лѣтомъ 1906 года, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ изданія, была приостановлена по распоряженію московскаго градоначальника. Возникшая въ концѣ того же года газета «Народный Путь» явилась продолженіемъ приостановленной газеты. Редакторомъ новой газеты состоялъ также В. Е. Этому дѣлу В. Е. посвящалъ много труда и силъ. Работа въ народной газетѣ такъ отвѣчала его широкимъ народническимъ симпатіямъ. Подписчикомъ газеты былъ читатель изъ народа. Къ нему обращалась газета со своимъ словомъ о земельных нуждахъ крестьянства, объ улучшеніи правового устройства деревни, объ уничтоженіи административнаго гнета и опеки. Здѣсь простымъ, доступнымъ для народа языкомъ объяснялись политическія и юб-

щественныя задачи государственнаго переустройства и обновленія, давались комментари и разьясненія ко всѣмъ дѣйствіямъ и актамъ народнаго представительства въ первомъ русскомъ парламентѣ.

Въ Государственной Думѣ В. Е. принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Здѣсь онъ преимущественно отдался работѣ надъ проектами аграрной реформы. И въ аграрной комиссіи к.-д. партіи, и въ парламентской к.-д. фракціи, и въ аграрной комиссіи первой Государственной Думы В. Е. явился горячимъ сторонникомъ идей надѣленія крестьянъ землей. Онъ много посвятилъ труда по разработкѣ принциповъ надѣленія, условій выкупа и дальнѣйшаго земельного устройства крестьянъ при дополнительномъ надѣленіи. В. Е. былъ горячій апологетъ общины, и всѣ его планы въ области крестьянскихъ земельныхъ улучшеній были связаны съ сохраненіемъ общиннаго строя.

Провести и осуществить благихъ намѣреній первымъ избранникамъ народа не удалось. Государственная Дума первого созыва была 8-го іюля 1906 года распущена. Депутаты собрались въ Выборгѣ и оттуда обратились съ извѣстнымъ воззваніемъ. Въ числѣ подписавшихъ воззваніе былъ В. Е. Въ числѣ прочихъ депутатовъ, подписавшихъ «Выборгское воззваніе», онъ былъ въ 1908 г. судимъ и отбывалъ затѣмъ тюремное заключеніе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Осужденіе по этому дѣлу лишило В. Е. возмож-

ности принимать широкое участіе въ послѣдующей политической и общественной жизни, такъ какъ «выборжцы» были, въ силу толкованія сената, лишены политическихъ правъ.

Это сузило поприще дѣятельности В. Е., но, конечно, не прекратило его дѣятельной литературной и общественной работы. Послѣ роспуска Государственной Думы В. Е. вернулся въ Москву, къ литературной работѣ въ «Русск. Вѣд.», въ к.-д. партіи и въ газетѣ «Народный Путь». Аграрныя новеллы, издавныя въ междудумскій періодъ 1906 г., дали В. Е. богатый матеріалъ для многочисленныхъ статей, представлявшихъ обстоятельную критику новой аграрной политики правительства по «землеустройству». Въ періодъ второй избирательной кампаніи, во время занятій Государственной Думы втораго созыва и въ послѣдующее затѣмъ время третьей избирательной кампаніи и первыхъ шаговъ Думы 3-го іюня В. Е. по преимуществу былъ занятъ публицистикой и, стоя на этомъ посту, принималъ участіе въ политической жизни страны.

Но роковой конецъ уже близился. Пребываніе въ тюрьмѣ сильноотразилось на здоровьѣ В. Е. Наканунѣ заключенія В. Е. уже чувствовалъ себя весьма плохо. По выходѣ изъ тюрьмы онъ выглядалъ совсѣмъ больнымъ человѣкомъ и принужденъ былъ поѣхать лѣчиться и отдохнуть за границу. Но пребываніе тамъ мало улучшило его здоровье. Вско-

рѣ по возвращеніи изъ-за границы съ нимъ случился ударъ, отъ котораго онъ однако оправился. В. Е. продолжалъ даже нѣкоторое время работу въ редакціи «Русск. Вѣд.». Съ осени 1909 г. его состояніе стало довольно быстро ухудшаться. Онъ долженъ былъ бросить всякую литературную и научную работу. Съ 1911 года онъ былъ почти все время прикованъ къ постели. В. Е. страдалъ артеріосклерозомъ. За двѣ недѣли до смерти страданіе осложнилось гриппознымъ воспаленіемъ легкихъ, причинявшимъ ему громадныя страданія. Съ четверга 29-го ноября его состояніе было безнадежно. Роковой конецъ наступилъ въ воскресенье, 2-го декабря, въ 3 часа дня. Послѣдніе полтора года больной В. Е. съ семьей находился близъ Москвы, въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ и умеръ.

